

Людмила Шигапова



ГАЛИЦКИЕ
Царская
Фрейлина
Книга вторая

Людмила Шигапова
Царская Фрейлина.
Книга Вторая
Серия «Галицкие», книга 4

*<https://litres.ru/74126827>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Круговорот событий, страстей, интриг, захлестнувший Александру Бересдорф в России, безвозвратно изменил ее жизнь.

Фрейлина-чужестранка становится сиятельной княгиней. Как будут развиваться отношения Галицких? Сможет ли Никита обуздать свой крутой нрав, а сама Алекс отказаться от импульсивных поступков?

Спасает от ошибок и ведет к семейному счастью истинная любовь, дарованная им судьбой.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Людмила Шигапова

Царская Фрейлина.

Книга Вторая

Глава 1

Санкт-Петербург, 1746 год

Весенний Петербург готовился встретить зарю нового утра: поймать адмиралтейским шпилем солнце и колокольным перезвоном церквей разлить его тепло по округе. Фонарики, дождавшись, когда запоздалые любители ночных кутежей вернутся в свои особняки, гасили фонари вдоль богатейших улиц города, привычно передвигая приставные лестницы от одного чугунного столба к другому. Последний потухший масляный огонек обозначил наступление того особого часа, когда весь мир дремлет, оставляя влюбленным время наслаждаться предрассветной тишиной.

Никита с благоговением смотрел на женщину, спавшую в его объятиях. Нежно перебирая ее рассыпавшиеся по подушке волосы, он поднес прядь к лицу, вдохнул запах розмарина. Завороженный обсидиановым блеском локонов, отливающих лунным серебром, он накручивал их на безымянный палец левой руки прямо поверх обручального кольца из

шнура эполет, с которым вот уже три месяца не расставался. Каждый виток превращался в воспоминание: воспоминанием: волчий вой на заснеженной дороге и храбрая фройляйн, которая мало-мало знает по-русски; вожденная Маска, оставшаяся непостижимой мечтой; первый бал великой княгини и лукавое славословие; лихая прогулка по ярмарке и обещание не целовать чужих женщин; карточная баталия и поединок на мечах с фрейлиной в мундирном платье; опасное непредсказуемыми последствиями свидание с супругой престолонаследника и расстрельный список женихов для Бересдорф; жуткая паника из-за «княгини на одну ночь»; а потом жмурки, незабвенный поцелуй в Петергофе, спасение от рыжей потаскухи, галантерейные беседы, танец с голым торсом на царских Метаморфозах Каждый их шаг – проявление любви, о которой они оба не сразу догадались.

— Убью любого, кто задумает нам помешать, — самозабвенно прошептал Никита, целуя каждый пальчик любимой.

— Забываю обо всем на свете в твоих объятьях, — проворковала разбуженная прикосновениями Алекс.

Жаль расставаться, но фрейлину нужно доставить во дворец. Он принял к ее запыстью: «Скоро, очень скоро она станет княгиней Галицкой, его „тавро“ обернется супружеским браслетом. Она безраздельно будет принадлежать ему, он никогда не устанет любить ее».

Связь Никиты и Александры, невзирая на соблюдаемые

предосторожности, развивалась стремительно. Мимолетные встречи, поцелуи украдкой, ночные свидания наполняли влюбленных невероятным счастьем. Упиваясь ощущениями, которые дарили друг другу, они каждый раз открывали новые грани взаимного наслаждения: она – в силе его страсти и поклонении, он – в ее женственности и неприкрытом желании, которое высвободил из плена целомудрия.

Чувство блаженства не покидало Александру: она, видела хорошие сны, с улыбкой порхала по дворцу, выполняя обязанности фрейлины. Но Алекс ни за что не хотела, чтобы Фике узнала о ее романе с Галицким, поэтому требовала скрывать ото всех свои отношения. Но день ото дня становилось все труднее изобретать лазейки для встреч с любимым.

Царица в последнее время изменила отношение к Екатерине, и, как подозревала Александра, прежде всего потому, что не оправдала особых надежд, возлагаемых на супругу наследника престола. За ней установили слежку, окружив шпионами и доносчиками, подслушивали разговоры, вскрывали письма. Даже с обитателями дворца общаться возможно было лишь под присмотром. «У крепостных и то больше свободы», — жалела Алекс подругу.

При всех ограничениях, в которых оказалась великая княгиня, она с врожденной педантичностью упорядочила свой день: рано вставала, час отводила обеду, много читала, писала длинные письма и старательно продолжала постигать премудрости русской речи – языка своей новой родины, импе-

ратрицей которой мечтала стать.

Екатерина переносила немало унижений, но никогда не ударялась в слезы, и сама находила себе развлечения: любила гулять по парку, совершать конные прогулки, вечерами играла в карты, предпочитая ломбер или пике, в девять часов ложилась спать. Не гнушалась великая княгиня и различными сплетнями, которые до нее услужливо доносили болтливые фрейлины.

— Фике постоянно недовольна, везде ей интриги да каверзы мерещатся. Хотя и понять ее можно, но только сложнее стало исчезать, — как-то пожаловалась Алекс Никите.

— Давно пора прекратить всю эту, — он запнулся, подыскивая слово поточнее, — «ночную тайную канцелярию». Что за позор, крадучись пробираться к любимой! В чем грех открыто заявить о помолвке? Хоть можешь представить, какво мне видеть, как над тобой кружат придворные стервятники!

Алекс напряглась:

— Недостойна ваша глупая ревность, господин мой.

— Почему я, самый счастливый из мужчин, не имею права на весь мир кричать о своей любви к жене?

— Не спеши, князь, я тебе еще не жена, — возразила Александра.

— Проклятие! Что за упрямство! – обиделся Никита. — Сомневаюсь, чтобы даже в средние века, влюбленные так долго испытывали свои чувства на прочность: мужчины, не

тратя время брали в осаду замки, крали невест. Я силой поведу тебя к алтарю! – вспыхнул он, но тут же смягчился: – Соглашайся! У нас будут красивые дети.

— Это и мое горячее желание, — зарделась Алекс. — Но как не поймешь, мы не сможем обвенчаться без согласия Екатерины.

— Я не хочу тебя брать взаймы у великой княгини.

— Поэтому придется придумать, как обойти ее норы, не угасшую к тебе симпатию и женскую зависть.

Никиту обожгло таким восторгом, что он закружил ее в приливе бешеной радости:

— Ты согласна! Согласна, майн либе!

Благодарно приняв его признание на ее родном языке, Александра кинулась ему на шею:

— Любимый мой!

Царская фрейлина, как он ее назвал, выскользнув из объятий, величаво расправила плечи и церемонно промолвила:

— Я принимаю ваше предложение, князь Галицкий.

Эту минуту он ждал с того незабвенного бала, когда впервые увидел ее, и должен был ликовать, услышав заветные слова, но вместо этого просто спросил:

— Не сожалеешь, что отдала мне свою невинность? – Он приподнял ее подбородок и большим пальцем погладил по щеке, вспоминая алый лепесток девичьей чести на смятых простынях.

— Того, что должно было неизбежно случиться? Ни еди-

ного мгновения! — ее голос понизился до призывного шепота: — Готова заняться этим немедленно.

Никита, подхватив ее на руки, проговорил:

— Ненасытная дева навечно заворожила меня.

Единственное, о чем он мог сейчас думать — войти в ее шелковые недра и потерять остатки разума. Никита навис над заманчиво распластанным телом и приник к требовательным губам, стремясь утолить чувственный голод женщины. Она ответила на поцелуй, отдавая себя без остатка. Он приказывал, повелевал, она подчинялась, откинув все запреты. Когда пик его наслаждения исторгся неистовым водопадом, Никита выкрикнул ее имя, и Александра в упоении последовала за ним к блистательным вершинам блаженства.

— Надо спешить, карета ждет. Дато тебя отвезет. Одного не пойму, почему я сам не могу этого сделать, — Никита не упускал и малейшей возможности выразить свое неодобрение.

— Я отказываюсь участвовать в бессмысленном споре. Причина одна — Фике.

— Уверен, при ее хладнокровии и уме великая княгиня давно забыла о своем неудачном свидании.

— Простила, но не забыла.

Вероятно, Александра была права, и Галицкого это ужасно раздражало, но возражать не было резона:

— Ну почему я так легко иду навстречу вашим желани-

ям, княгиня? — Никита, наловчившийся исполнять роль камеристки, застегнул шелковую накидку и поцеловал любимую в висок.

— Я обладаю замечательным даром убеждения, — оговорку князя фрейлина приняла как должное.

Княжеская карета, стуча колесами по булыжной мостовой, двигалась в сторону царского дворца. Алекс слегка нервничала в обществе молчаливого горца. Ординарец капитана Галицкого никогда не пренебрегал своими обязанностями — не тот человек, но неизменно оставался в тени.

— Вы осуждаете меня, Дато? — тихо спросила фрейлина, расположившись на удобном, обитом бархатом сиденье. — Считаете, я веду себя неприлично?

— Никто не в праве осуждать любовь, Александра Федоровна.

— Благодарю. Ваша помощь как друга и защитника неоценима.

Настояв на том, что Никита по известным причинам не будет отвозить ее, она не смогла отказаться от сопровождения кахетинца, который постоянно держался настороже.

— Вы всегда так красноречивы, Дато? — в попытке завязать разговор решила пошутить Александра.

— Предпочли бы другую охрану?

— Нет, разумеется, нет! — примирительно улыбнулась она. — Об этом не может быть и речи.

— Рад служить. — Он положил кинжал на колени, как обычно делал, провожая фрейлину ночной порой. — Если мне позволено сказать, объяснюсь: по нашим законам, я не вправе говорить с чужой женщиной.

— Но мы в России, здесь другие правила. Считается, мужчина должен развлекать женщину интересным разговором, делать комплименты. Так принято!

— По моему разумению, большая глупость! Непростительная ошибка. Наши мужчины ласковые слова говорят как песню любви, поют их только своей женщине. Они хранят их в сердце, а не разбрасывают попусту, словно мелкие монеты или дикие семена. И только одна единственная слышит, что она чистая, как снежные вершины, звонкая, как горный ручей, ласковая, как южная ночь, щедрая, как виноградная лоза.

— Как красиво! — Алекс обхватила себя за плечи и подумала, что именно такие слова хочет услышать от своего Никиты. — У вашего народа глубоко правильный обычай.

— Наши женщины знают об этом и всем сердцем ждут часа признания.

— Вам не кажется, что за нами гонятся, — встрепелась Алекс, заслышав сзади громкий стук копыт. — Мы в опасности?

Абрек выхватил кинжал и выглянул в окно:

— Госпожа, прикройте лицо. — Она немедленно опустила густую вуаль.

Дато выглянул в окно. Их нагонял одинокий всадник. Лицо его, низко склоненное к лошадиной гриве, разобрать было невозможно. Поняв, что его заметили, неизвестный, проскакав еще некоторое расстояние, остановился, то ли погрозил кулаком, то ли просто взмахнул рукой, и резко свернул в проулок.

Дато откинулся на спинку сиденья и нахмурился, было видно, как заходили его желваки.

— Что там? — насторожилась Александра.

— Ошиблись каретой, — сдержанно ответил он. — Отстали.

— Я боялась, что вы станете рисковать жизнью ради меня, а я не смогу ничем помочь, я не взяла свой нож.

— Простите, если выразился недостаточно ясно — для волнения, тем паче для страха, нет причины.

— Вы решили солгать, чтобы меня успокоить, не правда ли? — Алекс еще раз попыталась рассмотреть преследователя в окошко, но он исчез.

— Вы очень храбрая цоли-девушка. Ценю ваше беспримерное владение кинжалом, но на сей раз оно не понадобится. Ложная тревога.

— А вы сама скромность и молчание. Вы уклоняетесь от прямого ответа, господин Гонгадзе.

— Не могу сообщить ничего важного. Как видите, дорога пуста.

Повисшая внутри кареты тишина не способствовала ду-

шевному равновесию Алекс, напротив, взбудоражила опасения.

— Может, это злодей охотится на князя, может чей-то ревнивый муж? — не выдержала она.

— Может, вестовой, запоздалый путник, может, грабитель, позарившийся на дорогой экипаж.

— Но это опасно!

— Госпожа, ваше отчаяние не уместно. Князь Галицкий — храбрый офицер, отважный, сильный, умелый — настоящий воин. Я видел его в бою, видел в рукопашной. Что для него какой-то заблудившийся бродяга! Не оскорбляйте князя сомнением.

— Простите. Вы правы. Мне стыдно. Это глупые женские страхи, — нервно перебирая пальцами, сбивчиво вымолвила Александра.

— Это любовь, госпожа, — голос абрека звучал непривычно мягко, и еще ей почудилось в нем едва уловимое страдание.

— А вы любили, Дато?

— Однажды.

Дато запрокинул голову и прикрыл глаза Абрек вспомнил свою Кето.

Он увидел ее возле бурного ручья, куда ходили селянки за чистой водой. Черноглазая горянка, красивая и гордая, скромная и нежная, покорила сердце храброго джиги-

та. Услада взору — ее глаза с сиянием бархатной ночи. Кетеван была счастлива называться его невестой. За день до свадьбы она пошла к горному источнику и пропала. Лишь на дне ущелья остался лежать разбитый кувшин.

Кето украл могущественный тавади — князь. Взлетев на коня, Дато, не разбирая дороги, мчался, чтобы отомстить обидчику — в горах не отыщут следов. Он прокрался во дворец похитителя. Стражники беспечно играли в нарды.

Разгневанный жених потянулся к клинку, тадзреули — княжеский телохранитель беспомощен перед его святой яростью — он вернет свою невесту И тут он ее увидел, столь же прекрасную, как и прежде, но чужую. Его сакварело — любимая смотрела на другого мужчину с так, как никогда не смотрела на Дато

«Будьте счастливы, госпожа Кетеван».

Молодой Гонгадзе совершил ошибку, грозящую бесчестьем — отказался от кровной мести и в непомерных муках душевных терзаний скрылся в горах и стал абреком.

Годы одиноких скитаний иссушили сердце джигита, но наделили хладнокровием и выдержкой. Вскоре он ушел в Россию

Дато провёл рукой по лицу: «Десять лет прошло с тех пор. Забудь чужую жену. Сожалеть — недостойно мужчины. Твоя забота — безопасность женщины командира».

Ординарец решил доложить капитану о случае на дороге — это не простой путник. Штабс-капитан...

Целую неделю Александра не видела Никиту, он был занят своей конюшней где сразу трех кобыл готовили к выжеребке. К тому же и Екатерина требовала постоянного внимания фрейлины: она вдруг вновь загорелась фехтовальными поединками и кроме Алекс никого не признавала в партнерах. А перед сном заставляла читать вслух, выбрала «Дон Жуана» Мольера и вешала на героев едкие ярлыки:

— Безбожный распутник, как есть, князь Галицкий. Тот тоже легко меняет возлюбленных, возомнил, что любую может осчастливить.

— Вы знаете, ваше высочество, я не принимаю его фривольного поведения, но справедливости ради, признаю его мужественность, — обиделась Алекс и осторожно ринулась в защиту. — Известно, что Елизавета Петровна высоко ценит преданность капитана.

— А мне другое известно: подобно Дону Жуану открыто заявляет, что его внимание будет даровано всем красавицам по очереди. Но отрицать верную службу царской короне не стану, в этом и у меня сомнений нет, как нет и в том, что хитрость в его речах непревзойденная, потому они кажутся убедительными.

— Мне нечего возразить. Таковы, видать, мужчины.

Александра поняла, что умелое уклонение Галицкого от роли фаворита не забыто и все еще тревожит Фике.

«Никита об этом и не догадывается», — сжимая передан-

ную Алешкой записку, она, пожелав великой княгине добрых снов, прошествовала в присутственный зал предупредить пажа, что с рассветом он проведет ее за дворцовую ограду через тайный ход, которым пользуются молодые камер-лакеи, сбегая со службы, чтобы без строгих церемоний порезвиться на свободе.

Алешка почесал затылок:

— Только в таком платье вам не пробраться.

— Я что-нибудь придумаю. — Алекс вспомнила наряд крестьянки, в котором щеголяла на ярмарке.

Александра проснулась с первыми лучами.

— Алешка ожидает в условленном месте, — выпорхнула она из постели и без труда облачилась в приготовленную с вечера простую одежду: «Как быстро фрейлина Бересдорф поднаторела в метаморфозах! Истинная мастерица!», — весело подумала она.

До пробуждения великой княгини, на утреннем одеянии которой ей надлежало быть, она должна успеть встретиться с князем, которому не терпелось похвастать народившимся жеребенком.

Внушительное строение, недавно возведенное на землях княжеского особняка, еще пахло свежетесанным деревом. Никита задумал в скором будущем завести племенной завод, но еще не успел перевезти всех лошадей в новую конюшню.

Могучее ржание донеслось из стойла, как только хозяин появился в помещении.

— Учужал меня, дьявол.

— Какой красавец, какой гордец, весь в хозяина, — восхищенно ахнула Александра, подойдя к благородному животному.

— Это Борей! Такого более не существует на свете, — гордо ответил Никита. — Покрыл им лучших кобыл, положил начало племенному делу.

— Не терпится увидеть новорожденного конька.

— Пойдем!

— Ах, смотри, смотри, какой хрупкий и беспомощный. — Алекс осторожно подошла к деннику и протянула руку погладить. — Жеребенок доверчиво ткнулся в ладонь, склонив голову. — Ну что за чудесный малыш, любопытный, смелый, людей не опасается.

— Сосунок еще. От матери не отлучаем.

— Ой, что у него с ногами?

— Природа так распорядилась: копыта покрыты мягким наростом, чтобы внутренности кобылы не повредились при родах. Это «фейские пальчики» или еще их называют «золотые туфельки», скоро стопчет их малыш.

— А глазища, — продолжала восторгаться Александра, — любая красotka позавидует.

— Кони рождаются с открытыми глазами.

— Никита Сергеевич, как много вы знаете.

— Вот освою премудрости конного разведения, потом и в отставку. Заживем мы с тобой душа в душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.